

учителей при изучении педагогических дисциплин: дисс. ... канд. пед. наук. СПб., 2003. 159 с.

3. Соловьева О.В., Темрокова С.Б. Психологическая профилактика профессионального выгорания у медицинских работников // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2016. № 3(26). С. 96 – 98.

4. Соловьева О.В., Темрокова С.Б. Изучение и профилактика профессионального выгорания у медицинских работников // Прикладная психология и психоанализ: электрон. науч. журн. 2016. № 1. URL:<http://ppip.idnk.ru>

5. Форманюк Т.В. Синдром «эмоционального сгорания» как показатель профессиональной дезадаптации учителя // Вопросы психологии. 1994. № 6. С. 57 – 64.

DOI: 10.30888/978-5-6041451-4-2.2.39

КОНЦЕПТ «СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ» И ЕГО ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ

М.Л. Соколовский

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ,
проект № 18–013–00832

Аннотация: в статье излагается структура концепта социокультурной безопасности (СКБ) в контексте ее диагностики с учетом современного состояния науки. Предлагаются следующие компоненты СКБ: сохранность и развитие культуры, культурно-компетентная среда, субъектность носителей культуры.

Ключевые слова: социокультурная безопасность, сохранность и защита культуры личности, человеческое развитие.

SOCIOCULTURAL UNMENACE CONCEPT AND ITS IMPLEMENTATION

M.L. Sokolovskii

Abstract: The article describes the structure of the sociocultural unmenace (SCU) concept, suitable for its measurement, considering the

current state of science. The following structure SCU components are proposed: safety and development of the culture, culturally competent environment, human agency.

Key words: sociocultural unmenace, sociocultural safety and security, human development.

Понятие социокультурной безопасности неразрывно связано с понятием социокультурной угрозы, которой подвергаются как малочисленные этнические группы, так и, в перспективе, доминирующие этносы, что связано с процессами глобализации и, в той или иной степени, с процессами ассимиляции и постколониальными процессами для небольших этнических групп.

Традиционно более исследованными являются вопросы социокультурной безопасности для небольших, зачастую маргинализированных групп и этносов, на развитие и поддержание которых выделяются гранты и реализуются государственные программы. Такие исследования проводятся во многих странах. В качестве лидеров выступают исследования в США, где акцент делается преимущественно на реабилитацию детей и подростков, лиц группы риска (М. Ангар, М. Райт, А. Мастен, Л. Терон, Л. Либенберг, Т. Спенсер, К. Пантер-Брик), в Австралии и Новой Зеландии, Канады, где больше внимания уделяют восстановлению, поддержанию и развитию культуры коренных народов (В. Станнер, М. Бамблет, Дж. Харрисон, Л. Питер, Р. Франкланд, М. Гуда, Э. Прайдей, Э. Гаргет).

В английском языке, на котором пишутся основные работы по социокультурной безопасности, крайне редко встречаются аналоги русскому слову безопасность, понимаемому как «отсутствие, или отрицание, опасности», вместо него применяются существительные, обозначающие возможные компоненты безопасности, не включающие в себя частицы, связанные с отрицанием опасности. Поэтому специалисты по работе с этническими группами используют понятия *sociocultural safety* и *sociocultural security*, которые можно понимать как обеспечение сохранности и обеспечение охраны культуры.

При этом термин «сохранность этнической культуры» в большей степени относится к ее носителям, а «безопасность» подразумевает

действия властей и взаимоотношения представителей различных культур или даже внутри культуры, т.е. security, или культурно-компетентную окружающую среду.

В вопросах изучения сохранности культуры мы ориентировались на работы В. Станнера (Stanner W., 2011), а также Р. Франкланда, М. Бамблета и П. Льюиса (Frankland R., Bamblett M., Lewis P., 2011) в которых выделяются четыре компонента сохранности культуры (safety): (1) реконструкция групповой идентичности, (2) усиление права голоса, (3) воссоздание и реконструкция ресурсов для культурной деятельности и (4) собственно воссоздание продуктов культуры, в соответствии с которыми и определяются основные направления работы с коренным населением.

В целом, получаем вполне логичную схему сохранности культуры:

(1) Мотив. Субъекты культуры признают себя таковыми. Признают свою ценность, как носителей культуры и ценность собственной культуры, чем получают внутренний стимул для воссоздания и развития собственной культуры

(2) Свобода. У них есть достаточная свобода и самостоятельность (субъектность) действовать (как представители данной культуры).

(3) Ресурсы. У них есть достаточно ресурсов для воспроизводства собственной культуры

(4) Деятельность. Собственно культурная практика коренных народов, воспроизводство продуктов культуры

Данные компоненты сохранности культуры тесно взаимосвязаны между собой, в частности, для мотивации (1) и субъектности (2) культурной деятельности важно осознание ценности себя и своей культуры, то есть отсутствие маргинальности носителей. В то же время, признание себя представителем определенной культуры (1) имеет смысл, если это отражается в их деятельности (4).

Тем не менее, в структуре социокультурной безопасности (Рис.1) компонент «субъектность» мы выделяем в отдельный блок, поскольку:

(а) субъектность выступает важнейшим компонентом человеческого развития (в понимании Организации объединенных наций),

(б) с точки зрения организации работ по обеспечению социокультурной безопасности можно опираться на подход М. Райт и А. Мастен, которые, говоря о жизнестойкости подростков, попавших в трудную жизненную ситуацию, отмечают различную природу факторов безопасного развития подростков. В частности, родители и окружающая среда могут оказывать на них защитное влияние, создавая «тепличные условия» или же «продвигать» их, создавая условия для самостоятельности и развития (Wright M., Masten A., 2014). Если перенести этот подход в сферу социокультурной безопасности, то именно развитие субъектности укрепляет и «продвигает» развитие его культуры, обеспечивая «активную» защиту культуры. В то время как формирование культурно-компетентной окружающей среды (security) и сохранность культуры (safety) представляют собой ее «пассивную» защиту.

Признание респондентом себя носителем определенной культуры и ту деятельность по воспроизводству культуры, которую он осуществляет (мотивацию культурной деятельности и саму культурную деятельность) мы объединили в одну шкалу опросника «Этнокультурная установка». Поэтому при разработке опросника по социокультурной безопасности блок «Сохранность культуры» мы рассматриваем как состоящий из двух основных компонентов:

- (а) этническая идентичность и воссоздание продуктов культуры,
- (б) наличие ресурсов для этнокультурной деятельности.

Другой важнейший компонент социокультурной безопасности – это безопасность, которую мы называем культурно-компетентной окружающей средой, в основном, обеспечиваемая государством. Вилл Беннет отмечает, что безопасность (security) представляет собой такое состояние местного сообщества, при котором люди чувствуют свою защищенность и ценность, как членов местного сообщества, могут решать вопросы безопасности, используя местные и государственные структуры и готовы взаимодействовать с ними (Bennett W., 2014). Тем не менее, практика, в том числе по восстановлению и развитию этнической культуры австралийских аборигенов показывает, что только учета взаимоотношений «по вертикали» недостаточно. В отношениях между малыми народами и даже внутри одного и того же этноса идут

два вида деструктивных процессов, которые можно назвать латеральной агрессией (латеральным взаимодействием, латеральными процессами, взаимодействием «по горизонтали»):

(1) поскольку на восстановление и поддержание этнической культуры малых народов выделяются финансовые средства, зачастую крупные, то между представителями коренных народов возникают конфликты по этому поводу (какие именно местные жители являются более «коренными», чем другие).

(2) большую часть своих внутренних проблем малые народы склонны приписывать «колониальному прошлому», идеализируя период своей истории до колонизации и любой конфликт внутри этноса или между этносами рассматривая как наследие «колониального прошлого». В то же время, внутри этноса могут присутствовать этнические конфликты, связанные с унижениями или самоунижением по поводу собственной этнической принадлежности, что и является проявлением маргинализационной установки, которая серьезным препятствием в культурном и человеческом развитии ее носителей.

Третий важнейший компонент социокультурной безопасности – это субъектность, которая Р. Фаркландом и др. обозначена как «усиление права голоса», активно изучается в отечественной психологии, начиная с 70-х годов прошлого века О.А. Конопкиным (Конопкин О.А., 1995) и его многочисленными учениками. В докладе ООН за 2016 год субъектность представлена как один из ключевых компонентов системы человеческого развития, наряду с доступными ресурсами и целями личности

При этом в качестве основных компонентов субъектности в ООН рассматривают право голоса человека, как возможность быть услышанным и влиять на происходящее (voice), так и собственно желание и возможность самостоятельно совершать активные действия (agency) (United Nations Development Programme, 2017), то есть в субъектности выделяется личностный и социальный компоненты.

Личностный и социальный компоненты выделяют и при работе с австралийскими аборигенами. В частности, М. Бамблетт и др. (Bambllett M., Harrison J., Lewis P., 2010) «право голоса» (voice) понимают как самоопределение, проявляющееся в том, как выражаются

желания и проблемы аборигенов и как они оказывают влияние на доминантную культуру (социальный компонент)

В то время как «жизнестойкость» (resilience) ими рассматривается как эмпатия, позитивный взгляд на мир, чувство юмора, хорошие взаимоотношения и выраженное ощущение собственной культурной принадлежности (личностный компонент субъектности).

Мы также выделяем личностный и социальный компоненты субъектности. Под личностным компонентом субъектности мы понимаем жизнестойкость в узком смысле, как активность личности в преодолении жизненных трудностей, в тех случаях, когда можно хотя бы в некоторой степени абстрагироваться от социального компонента субъектности. Если же достижение собственных целей личности требует социального взаимодействия, а именно, определяется откликом, полученным от других людей, то мы говорим о социальном компоненте субъектности.

Поскольку все компоненты социокультурной безопасности и социокультурного развития тесно связаны между собой, эффективная коррекция одного из компонентов социокультурной безопасности подразумевает работу или отклик со стороны других ее компонентов. Именно поэтому структура трудовой субъектности М. Голля (Goller M., 2017) помимо личностного, задействует и межличностный, и организационный компоненты. Концептуально сходной с нашей оказывается диагностическая и коррекционная модель жизнестойкости (CYRM / ARM), активно разрабатываемая под руководством Майкла Ангара с середины 2000-х годов и внедренная в практическую деятельность по коррекционной работе с трудными подростками и малыми народами. Майкл Ангар жизнестойкость (resilience) понимает в очень широком смысле, в значительной степени перекрывая и дополняя предложенную нами модель социокультурной безопасности.

Рис.1. Структура концепта «Социокультурная безопасность»

С точки зрения М. Ангара жизнестойкость актуализируется в ситуации, когда личность испытывает серьезные лишения и проявляется, во-первых, в способности личности или даже целых сообществ, двигаться к тем ресурсам, которых они лишены и, во-вторых, в способности договариваться с другими людьми по вопросам возможности достижения необходимых ценностей или ресурсов. Поэтому работа психологов, социальных работников, других социально-культурных служб представляет собой создание таких структур или ресурсов, которые будут способствовать самостоятельному достижению индивидом личных или социокультурных ценностей (Ungar M., 2011), то есть обеспечивать как общее человеческое развитие, так и развитие субъектности.

Главное различие с нашей моделью состоит в том, что изначально модель М. Ангара предназначена для коррекционной и терапевтической работы преимущественно с трудными подростками, в то время как наша направлена на социокультурную безопасность, преимущественно взрослых людей (студентов) и состояние социокультурной

безопасности не требует наличия серьезных этнокультурных трудностей, а является желаемым результатом их компетентного преодоления.

Таким образом, наша модель социокультурной безопасности концептуально опирается на четыре ключевых, взаимосвязанных и взаимопересекающихся компонента: сохранность и развитие культуры, человеческое развитие в понимании ООН, жизнестойкость, понимаемая как в узком (в качестве субъектности), так и в широком смысле, и компетентные действия властей и самих представителей этнокультур. Такая модель согласуется с локальными и мировыми тенденциями по формированию и сохранению культур этносов, сообществ, а также индивидуальными коррекционными практиками.

В рамках практического внедрения данного подхода нами разработан опросник СКБ (социокультурной безопасности), состоящий из 6 субшкал: этническая идентичность и воссоздание продуктов культуры, доступность этнокультурных ресурсов, личностная субъектность, социальная субъектность, латеральные взаимодействия, действия властей и внешних организаций, который прошел первый этап апробации на выборке из числа 197 иностранных и российских студентов на базе Северо-Кавказского федерального университета.

Библиографический список:

1. Конопкин О. А. Психическая саморегуляция произвольной активности человека (структурно-функциональный аспект) // Вопросы психологии, №1, 1995, С.5-12.
2. Bamblett M., Harrison J., & Lewis P. Proving culture and voice works: Towards creating the evidence base for resilient Aboriginal and Torres Strait Islander children in Australia. // International Journal of Child and Family Welfare, №13 (1–2), 2010, pp. 98-113.
3. Bennett W. Community Security handbook. London: Saferworld, 2014.
4. Frankland R., Bamblett M., Lewis, P. 'Forever Business': A Framework for Maintaining and Restoring Cultural Safety in Aboriginal Victoria. // Indigenous Law Bulletin, №7 (24), 2011, June, pp.27-30.

5. Goller, M. Human Agency at Work: An Active Approach towards Expertise Development (1st ed.). Wiesbaden, Germany: Springer VS. 2017.
6. Stanner W. The Dreaming & Other Essays. Black Inc. Agenda. 2011
7. Ungar, M. The social ecology of resilience: Addressing contextual and cultural ambiguity of a nascent construct. // American Journal of Orthopsychiatry, 81(1), 2011. pp.1–17. <https://doi.org/10/ck342n>.
8. United Nations Development Programme. Human Development Report 2016: Human Development for Everyone. UN, 2017. <https://doi.org/10.18356/b6186701-en>.
9. Wright M., & Masten A. Pathways to Resilience in Context. // Youth resilience and culture: commonalities and complexities. New York: Springer. 2014, pp. 3-22.

DOI: 10.30888/978-5-6041451-4-2.2.40

**СЕТЕВОЕ СООБЩЕСТВО КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ
ЛИЧНОСТНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РЕСУРСА ПЕДАГОГА
М.О. Стекольников**

Аннотация: в статье представлен опыт создания и развертывания деятельности Профессионального педагогического объединения Иркутской области. Описан механизм тьюторского сопровождения сетевого сообщества педагогов. Обозначены принципы поддержки отдельных образовательных практик, инициированных педагогами. На основе анализа общих вопросов создания среды для опробования профессиональных и личностных инициатив работников образования, выделяется проблема активности педагогического сообщества.

Ключевые слова: сетевое сообщество, профессиональное развитие педагога, образовательные практики, личностная инициатива, национальная система учительского роста, развивающая экспертиза, тьютор.